

ЯЗЫК, ТЕКСТ, СЛОВЕСНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

М.Н. Везерова

КОНЦЕПТ “МЫСЛЬ” ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СИНТАГМАТИКИ ЕГО ИМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (“Жизнь Клима Самгина” М. Горького)

Самарский государственный педагогический университет

Когнитивная лингвистика, начавшая формироваться в отечественном языкознании лишь в конце XX в., постепенно набирает силу. Термин “концепт” все чаще появляется в лингвистических работах, посвященных исследованию семантических процессов, происходящих в языке, сопровождающих речевую деятельность человека, которая неразрывно связана с мыслительной: ведь концепт – мыслительная единица, представляющая собой “квант” структурированного знания. Концепты – это смыслы, которыми человек оперирует в процессе общения. Отмечается, что “центральной проблемой русской когнитивной лингвистики стала категоризация человеческого опыта” [7: 25]. Отсюда ясно, какую роль сыграла когнитивистика в развитии, актуализации антропометрической, антропологической парадигмы в современной лингвистической науке. Не случайно возрастает интерес к лингвокогнитивному аспекту анализа художественного текста, отражающего авторскую картину мира как сеть концептов, концептуальных структур.

Обращаясь к анализу художественного текста, уместно вспомнить определение основной задачи когнитивной лингвистики Е.С. Кубряковой как “изучения языковых процессов, языковых единиц и категорий и т.п. в их соотношении с памятью, воображением, восприятием, мышлением” [6: 32]. Богатое воображение художника слова, обостренное восприятие им объектов окружающего мира, цепкая память открывают широкие возможности для вербализации разнообразных концептуальных признаков, структур, мимо которых часто проходит “рядовой” носитель языка. Выразительно следующее высказывание о соотношении, связи между концептуальными признаками и средствами их вербализации: “Языковой знак выполняет роль “золотого ключика”, открывающего тайники концептуального знания. Получив такой доступ к механизмам речемышления, общающиеся

косвенно приобщаются к тем смысловым элементам, которые не входят в смысловую структуру языкового знака. Это так называемые периферийные семы – скрытые, ассоциативные, вероятностные, потенциальные” [1: 196].

В художественном концепте – единице индивидуального сознания, авторской концептосферы – такие периферийные смысловые элементы могут приобретать особую функциональную значимость эстетического плана, акцентируя авторские интенции.

Одним из существенных речевых средств репрезентации смысловых микроэлементов концепта являются текстовые синтагмы, в которых отражается подчеркнутое Ю.Н. Карауловым свойство “семантической непрерывности словаря”: “каждое слово десятками и сотнями нитей связано со значениями многих других” [5: 75].

Обращаясь к наблюдениям над особенностями синтагматического сцепления лексемы “мысль” в “Жизни Клима Самгина”, попытаемся, отталкиваясь от речевой формы, перекинуть “мостики” к тем сторонам художественного концепта “мысль” в названном произведении, с помощью которых фокусируется внимание читателя на своеобразии авторской модели мира и картин мира персонажей, в первую очередь, главного из них – Клим Самгина, т.к. в создании его образа лексическая единица “мысль” (частотная, ключевая) играет особую роль.

Опираясь на общеизвестное положение о слоистом строении концепта, о выделении в нем ядра и периферии, сосредоточим внимание преимущественно на значимых для художественного воплощения авторского замысла содержательных компонентах рассматриваемого концепта, не забывая, что любой концепт (даже самого абстрактного характера) представляет собой “перцептивно-когнитивно-аффективное образование” [3: 90].

Выделим те компоненты понятийного слоя концепта “мысль” в “Жизни Клима Самгина”, те аспекты его ментального содержания, которые оказались важными для автора при характеристике “внутреннего человека” и которые подсказываются ближайшими синтагматическими связями имени концепта.

При вербализации концепта “мысль” в текстах романа часто актуализируется компонент его когнитивно-пропозициональной структуры “субъект мыслительного процесса”. Это осуществляется синтагмами с родительным принадлежностью: *его мысли, мысли Самгина (Туробоева...)*, с притяжательными местоимениями: *ваши мысли (свои, твои, мои)*. Особую художественную значимость приобретает синтагма “*чужие мысли*”, частотная в контекстах, раскрывающих внутренний мир главного персонажа: Клим Самгин думал уже о том, как трудно найти себя в хаосе **чужих мыслей**, за которыми скрыты непонятные чувства (19: 332); Он очень хорошо мог развивать **чужие мысли**, подкрепляя их множеством цитат (20: 330).

Данные синтагмы играют немаловажную роль в авторском разоблачении Самгина, который, стремясь к самоутверждению и испытывая постоянную боязнь быть похожим на других, живет в бесконечных размышлениях о своей необычности и безнадежно путается в “чужих мыслях”, присваивая их себе. Так наблюдения над тем, на какие концептуальные признаки делается нажим определенными вербальными средствами, дают возможность перекинуть от них мостик к текстовой модальности, авторским интенциям.

При восприятии синтагматических сцеплений имени концепта в ряде контекстов на первый план выдвигается такая составляющая его содержательной структуры, как характер протекания мыслительного процесса: *мысли скользили; быстрые, скользкие мысли; буйство мысли; вслухают мысли* и др. См. в контексте: Он (Самгин) чувствовал, что в нем *вслухают* значительные *мысли* (19: 500); С этой точки *мысли* Самгина *скользили* в кутузовщину (19: 471); *мысль работала беспорядочно, смятенно...* (22: 92).

Еще один из компонентов понятийного слоя концепта “мысль”, актуализируемый в романе и способствующий раскрытию особенностей психологического склада персонажей, – структурированность мысли (оппозиция смыслов: логический строй – нарушение его): Самгин улавливал *ключья* очень знакомых ему и даже близких мыслей, но *они* были так *изуродованы, растрепаны* (20: 567).

Существенна для изображения “внутреннего человека” вербализация таких когнитивных признаков рассматриваемого концепта, как воздействие мыслей на человека и воздействие каких-либо внешних факторов на мысль: Он (Томилин) не пытался *взнуздать* слушателя своими *мыслями...* (19: 138); У нас не человек *управляет* своей *мыслью*, а *она поработает* его (19: 318; высказывание Туробоева); Он (Самгин) чувствовал, что эти *мысли отрезвляют* и *успокаивают* его (21: 34).

Акцентируется внимание в ряде контекстов и на таком существенном концептуальном признаке, как соотношение между мыслью и ее языковой объективацией.

Всегда ли может быть адекватно вербализована мысль? “Муки слова” свойственны не только писателям, ученым. Ю.С. Степанов утверждает, что “во всех духовных концептах мы можем довести свое описание лишь до определенной черты, за которой лежит некая духовная реальность, которая не описывается, а лишь переживается” [9: 13]. Внимание к особенностям восприятия персонажем языковой оболочки мысли дает возможность художнику слова проникнуть в глубинные слои психологии героя: Он (Самгин) привык не обращать внимания на это насилие *слов, которые* – казалось ему – *опошляют* подлинные его *мысли*, мешают им *являться в отдельных формах* и своеобразном *блеске* (22: 488).

Особой значимостью в раскрытии психологии главного персонажа обладают синтагматические сцепления лексемы “мысль” с метафоризи-

рующимися глаголами “одевать”, “переодевать”: *Переодев* свою *мысль* более прилично, Самгин снова почувствовал приток торжественного настроения... (20: 634); На него как будто облако спустилось, охватив тяжелой, тревожной грустью и даже не позволяя *одевать мысли в слова*... (20: 634).

Концепт, даже отражающий абстрактную сущность, окружен, как известно, эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом. Соответствующие слои в значительной мере насыщают идиолектную часть концепта в художественном тексте.

Философы неоднократно подчеркивали, что человеческое искание истины, т.е. мыслительные процессы, сопровождаются эмоциями. На emotивном слое концепта “мысль” неоднократно акцентируется внимание в “Жизни Клим Самгина”. Основной способ его вербализации – синтагмы с прилагательным-эмотивом: *зневные мысли (глумливые, беспокойные, холодные* и др.). Они, принимая участие в художественной объективации концепта, фокусируют внимание читателя на соединении в нем рационального и эмоционального.

Не менее существенно авторское акцентирование ценностного, оценочного слоя концепта. Лингвистами подчеркивается, что “центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип” [7: 54].

Эмоциональные восприятия, оценочные акценты органично включаются в мыслительно-коммуникативную деятельность человека. Без оценочных параметров мыслей персонажей невозможно раскрыть их характеры, черты психического склада. Аксиологические компоненты слоистой содержательной структуры концепта “мысль” в романе объективируются разными атрибутивными синтагмами: *скудость мысли, остро́та (глубина, ценность, простота...)* мысли; *верная мысль (святая, дурная, банальнейшая, веская...)*.

Представляет интерес и вербализация образного слоя концепта “мысль” в романе. Хотя мысль – абстрактная сущность, конструкт невидимый, но и она может принимать “лики” видимого: “Наш дух вынужден <...> обращаться к легко доступным объектам, чтобы, приняв их за отправную точку, составить себе понятие об объектах сложных и трудноуловимых” [8: 72]. Вербализация образного слоя рассматриваемого концепта у Горького в первую очередь связана с ассоциированием метонимического плана, с парадигмой “мысль – человек” (метонимия же порождает метафорические смыслы, олицетворение). В романе частотны синтагмы типа “*сытые (растрепанные, щеголеватые, голые...)* мысли; *обиженные (суетливые, издерганные...)*; *буйство мысли*”. Глубокая интерпретация внутренней связи метонимии, метафоры, олицетворения в сфере речевого представления абстрактных сущностей дается в ряде работ Н.А. Илюхиной (см., напр.: [4: 38-41]).

Менее частотны в романе при вербализации образного слоя концепта “мысль” другие парадигмы: мысль – вещь (*изношенность мысли, клубок мыслей*); мысль – жидкость (*пузырьки мыслей, выжать мысли из кого-либо*); мысль – пространство (*на полях мысли*); мысль – огонь (*вспыхнула мысль*); мысль – птица (*мелкие мысли полетели, точно стая галок* – 21: 89).

Как видим, образный слой реализуется как традиционными, так и окказиональными словоупотреблениями, отражающими индивидуальную когнитивную обработку сообщаемого.

Когнитивный подход к анализу текстов расширяет, как это очевидно, рамки возможных в филологии объяснений.

Анализ вербализации доминирующих в разных контекстах слоев функционально значимого концепта дает возможность проникнуть в тот или иной глубинный пласт семантического пространства текста и обнаружить в нем определенный нюанс текстовой модальности, связанный с языковой личностью автора, персонажа.

Библиографический список

1. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005.
2. Горький, М. Собрание сочинений: в тридцати томах / М. Горький. – М.: Госуд. изд-во художеств. литературы, 1952, 1953. – Тт. 19-22.
3. Залевская, А.А. Текст и его понимание / А.А. Залевская. – Тверь, 2001.
4. Илюхина, Н.А. Языковая образность в фокусе семасиологического и лингвокогнитивного взглядов (к вопросу об интеграции подходов) / Н.А. Илюхина // Языковая личность – текст – дискурс: материалы международной научной конференции: в 2 ч. – Самара: изд-во “Самарский университет”, 2006. – Ч. 1
5. Караулов, Ю.С. Общая и русская идеография / Ю.С. Караулов. – М.: Наука, 1976.
6. Кубрякова, Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е.С. Кубрякова // Вопросы филологии. – 2001. – №1 (7).
7. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004.
8. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
9. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997.